

6. *Виноградов Н. Б.* Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвузов. сб. Куйбышев, 1985. С. 79—84.

7. *Медведева П. С.* Исследование отпечатков ткани на керамических сосудах синташтинской и петровской культур (по материалам могильника Кривое Озеро) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 75—81.

А. А. Бушуева

**НЕКРОЛОГ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ
ОБРАЗА СМЕРТИ В ПРАВОСЛАВНОМ МИРОПОНИМАНИИ
(на материалах «Тобольских епархиальных ведомостей»
конца XIX — начала XX века)**

Некролог (эпитафия) является одним из наиболее информативных жанров для воссоздания отношения православного духовенства к проблеме смерти: он воспроизводил нормы восприятия этого феномена, формировал его оценки.

Многие авторы некрологов уделяли внимание обстоятельствам перехода священнослужителя от жизни к смерти. Именно «тихая» смерть [1, с. 9—10; 2, с. 302; 3, с. 448; 4, с. 35] считалась «непостыдной»: человек должен был спокойно, безропотно принять процесс умирания, избегая проявлений отчаяния. Характерно описание предсмертного состояния семинариста Е. Сказырева: он не роптал на болезнь, а «с полной готовностью отдавал себя в руки Провидения», был терпелив и утешался Св. Писанием [5, с. 104]. По словам Е.В. Бобыревой, подобное состояние перед смертью воспринималось как «результат стремления человека полностью принадлежать богу», «отрешенность от тела» [6, с. 28—29]. Вместе с тем, встречаются упоминания о тяжелых условиях умирания [7, с. 294; 8, с. 286; 9, с. 118]. Е. К. Елисеев объяснял предсмертные страдания как «особенный путь Божественного промысла для приготовления к вечности», когда «выжигается в душе человека все нечистое» [9, с. 118].

Нередко смерть представляла в образе безжалостной хищницы, крадущей жизни. Она «похищает свои жертвы» [10, с. 295; 11, с. 275; 12, с. 290], она «ненасытна» [11, с. 275; 13, с. 300] и с «всепожирающей страстью» «выхватывает себе добычу» [13, с. 300]. Она приходит «неожиданно» [12, с. 290], «преждевременно» [11, с. 270, 275; 7, с. 294] прекращая человеческие труды. Следовательно, «неизвестность... должна заставить нас всегда думать о смерти и готовиться к ней» [14, с. 329; 10, с. 295—296], хотя повседневные заботы и страх служат этому помехой [10, с. 296].

Протоиерей П. Головин видел в смерти не естественное явление, а насильственный разрыв души с телом, «казнь» за грех; он открыто признал свой страх перед ней [10, с. 296-297]. Следует заметить, что в православной публицистике одним из главных переживаний является именно страх: по мнению Е.В. Бобыревой, страх в религиозном дискурсе — это тоска верующего перед «ничто» и в то же время — перед «судом Божиим» и «неизбежно приближающимся моментом «расплаты» за совершенные грехи» [6, с. 27].

«Спасительной инстанцией» в этих условиях выступала церковь: она предлагала два пути, чтобы сделать «кончину... мирною, и загробную жизнь... не страшною». Путем для избранных является путь «ежедневного умирения о Господе»: «тот, кто ежедневно приготовлен к смерти, тот умирает ежедневно; а кто умирает ежедневно, тот живет уже вечною, истинною жизнью» [10, с. 297]. Путь общедоступный — вести праведную жизнь [10, с. 298]. Герои некрологов служили примерами людей, вступивших на эти пути и «смягчивших страх и скорбь, связанные с ожиданием смерти» [10, с. 298—299]. Описание их смерти формировало у читателя представление о «правильном» «порядке умирения» [15, с. 178, 180—181].

Большой выразительностью и эмоциональностью отличается произнесенная на похоронах речь священника Н. Богословского — он убеждал себя и слушателей в том, что смерть Беллавина и его малолетней дочери имела высший смысл, так «Богу, видно, угодно». Схожие мысли о предопределенности смерти облек в метафоры другой публицист: «люди в мире, что пшеница в поле. Земледелец знает, когда снять пшеницу»; поэтому, советовал он, «плачь по умершему, но умеренно» [4, с. 39] (подразумевая, что скорбь по ушедшему из жизни не должна превращаться в ропот на бога).

Для автора, обозначенного как О. К., похороны А. Беллавина стали поводом для раздумий о жизни: «не бесцельный ли это дар природы, не игра ли случая?..», стоит ли вкладывать силы в какое-либо дело, если смерть станет итогом любого труда? Его ответ достаточно неопределен: «пути Божии неисповедимы» [8, с. 286], человек не в состоянии постичь значение перехода от жизни к смерти.

Авторы вторят [2, с. 300; 12, с. 289] Екклесиасту: «...суета сует, — все суета!» [16], жизнь — это «дым» [2, с. 300]. Суетная жизнь, неразрывно связанная с муками смерти, представлялась им приготовлением к подлинному существованию, «жизни бесконечной» [11, с. 275]. Жизнь — тяжелый и наполненный страданиями этап перехода к вечности, «лишь время... скитальчества души,... усиленных приготовлений к той настоящей жизни, о коей говорит нам слово Божие» [13, с. 302]. Для духовно зрелого человека «жизнь во плоти» — бремя [13, с. 304]. П. Фаворский убеждал, что «... мы не должны печалиться при виде жертвы смерти, а радоваться, ... что почивший переходит из юдоли плача в жизнь вечную...» [13,

с. 300—301]. Этот подход к пониманию жизни, своеобразная ее недооценка, отражен в концепции Е.А. Кожемякина: «в религиозном дискурсе истинное положение вещей мыслится либо в прошлом (как идеальный опыт, который впоследствии был утерян), либо в будущем (например, «рай»), но никогда в настоящем» [17, с. 42].

Публицисты выражали надежду на то, что смерть станет началом более счастливого этапа. Жизнь — «день скорби и труда пред днем покоя; смерть — наша суббота», — писал один из авторов. «Воскресение Иисуса Христа есть образ и нашего будущего воскресения. И мы воскреснем в третий день, в третий период бытия нашего». За смертью должно, по их убеждению, последовать перерождение человека, подобно тому, как червь «умирает» в коконе, будто в гробу, но возрождается бабочкой, «и — творение, пресмыкавшееся в прахе, играет среди цветов благовонных» [4, с. 40].

Между мертвыми и живыми нет непреодолимых границ: их соединяет молитва [11, с. 275], «невидимое средство нашего общения с усопшим» [14, с. 330].

Итак, представление о смерти, характерное для авторов проанализированных публикаций, находится в русле религиозного понимания. Смерть — только шаг к Судному дню и «настоящей» жизни, свободной от земной суеты и бремени плоти. Страх вызывает не столько сама телесная смерть, хотя и скорбь о потерянных для земной жизни не чужда авторам эпитафий, сколько то, что лежит за ее пределами: Суд, где решится судьба души, а также связанная с загробным миром неопределенность. В статьях присутствуют призывы к праведной жизни ради обретения утешения в «земной» сфере и «спасения» в сфере загробной. Однако на рассуждениях о Суде и на живописании грехов авторы почти не останавливаются: свойственная жанру идеализация и стереотипизация предполагает приближенность героев некрологов к заявленным качествам «добрых воинов Христовых» [11, с. 271]. Восприятие смерти, заметим, носит двойственный характер: с одной стороны, смерть выступает как источник страха и печали, а с другой стороны, как долгожданное, радостное событие для праведников, устремленных к миру за ее пределами.

-
1. *Волков Иоанн*. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. 1894. № 1. С. 8—10.
 2. *Фаворский П.* Речь при погребении о. протоиерей Дим. Вис. Серебренникова // ТЕВ. 1894. № 17. С. 300—302.
 3. *Ч. Ан. О.* протоиерей Матфей Павлович Федюшин // ТЕВ. 1904. № 22. С. 448—451.
 4. Протоиерей Н. Д. Скосырев // ТЕВ. 1905. № 3-6. С. 35—41.
 5. *Панаев Ив.* Некролог // ТЕВ. 1895. № 5. С. 103—105.

6. *Бобырева Е. В.* Эмоциональный аспект коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 23—30.
7. Некролог // ТЕВ. 1894. № 16. С. 293—294.
8. *К. О.* Смотритель Тобольского духовного мужского училища, священник о. Алексей Беллавин // ТЕВ. 1895. № 17. С. 284—293.
9. *Елисеев Е. К.* Слово перед погребением игуменьи Миропии // ТЕВ. 1904. № 7. С. 114—119.
10. *Головин П.* Слово на погребение о. протоиерея Д. В. Серебrenникова // ТЕВ. 1894. № 17. С. 295—300.
11. *Поникаровский Н., Памфилов Ф., Богословский Н.* Речи, произнесенные при гробе Смотрителя Тобольского духовного Училища, священника Алексея Беллавина // ТЕВ. 1895. № 16. С. 269—275.
12. Л. С. Некролог // ТЕВ. 1905. № 16. С. 286—290.
13. *Иннокентий* (архимандрит). Слово при погребении смотрителя Тобольского духовного училища священника А.Н. Беллавина // ТЕВ. 1895. № 18. С. 300—304.
14. Калугин Василий. Некролог // ТЕВ. 1905. № 17. С. 329—332.
15. *Васильева А. В.* Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дисс. канд. ист. наук. Омск, 2015.
16. *Еккл.* 1:2.
17. *Кожемьякин Е. А.* Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. № 2 (97). С. 32—47.

С. В. Григоришин

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
СРАВНЕНИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКА ЛЕНИНГРАДСКОГО
КОДЕКСА, ЕГО ФАКСИМИЛЬНОГО ИЗДАНИЯ
И ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ (ВЕСТМИНСТЕРСКОГО
ЛЕНИНГРАДСКОГО КОДЕКСА)**

Исследование выполнено благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group).

Ленинградский кодекс — это научное название самой древней полной рукописи текста Танаха на древнееврейском языке. По колофону рукопись датируется 1008/1009 г. Сейчас ЛК хранится в восточной секции отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Ленинградский кодекс также в науке фигурирует в науке под названием Каирский кодекс, поскольку был произведен в Каире. Латинское название кодекса — Codex Leningradensis. Другие названия, например, Санкт-Петербургский кодекс, прижиться не смогли.